

Nikita Khrushchev, Vospominaniia: Vengerskii sosed

Source: KHRUSHCHEV, N. S. Vremia. Liudi. Vlast', Vospominania v 4 tomakh. Tome 3. Moskva: IIK "Moskovskie Novosti", 1999. p. 252-257; 268-269; 272-273.

Copyright: (c) Moskovskie Novosti

URL: http://www.cvce.eu/obj/nikita_khrushchev_vospominaniia_vengerskii_sosed-ru-a77eb39f-70bd-409e-bc3b-1b66b4cd8afo.html

Date de dernière mise à jour: 12/04/2023

[...]

Вернусь к 1956 г. Если в Польше тогда развернулась борьба в партийной верхушке, то в Венгрии в нее была вовлечена еще и столичная парторганизация. Здесь столкновения были острее, чем в Польше. Стали освобождать политических заключенных. Освободили Кадара и тут же избрали его секретарем Будапештской городской парторганизации. Тем временем обострились отношения между Ракоши и Имре Надем. Они давно враждовали, а мы из Москвы всячески пытались их примирить. Ракоши обвинял Надя в принадлежности к правым и считал его перерожденцем, а не коммунистом. Однажды они вместе приехали в Советский Союз. Ракоши выступал с обвинениями Надя по вопросу коллективизации в Венгрии, а Надя возражал ему не просто резко, а даже зло, и у него сверкали слезы на глазах. Ракоши же вновь бросал ему обвинения политического характера. Но Сталин Надя не арестовывал. Говорили, потому, что в СССР Надя помогал ему громить коминтерновские кадры. Я не исключаю, что он тогда был агентом НКВД и слыл у Сталина своим человеком. А пока что в их стране события нарастали сверхбыстро. ЦК ВПТ и Ракоши потеряли влияние. Ракоши уже не только не мог давать какие-нибудь указания или как-то влиять на деятельность коммунистов, но его имя вообще приобрело там оттенок чего-то скверного. В Будапеште нарушилась нормальная жизнь. Начали постреливать, главным образом по венгерским чекистам. Те несли серьезные потери. Потом развернулись демонстрации. Это движение возглавил Надя. Люди требовали: «Надя Имре к руководству! Долой Ракоши!»

Ракоши струсил и обратился к нам по телефону с просьбой прислать срочно самолет, чтобы вывезти его из Будапешта; он опасался, что над ним будет учинена расправа. И мы помогли ему. ЦК ВПТ возглавил Эрне Герэ. В Будапеште разразилась такая заваруха, что и Герэ не смог с нею справиться. Его не признали как народного руководителя и рассматривали как соратника Ракоши. Их обвиняли в зверствах, несправедливых арестах и казнях, в других грехах. Конечно, главную ответственность за них несут советские чекисты, псевдосоветники, и Фаркаш со своими людьми. Вскоре Герэ тоже был вынужден подать в отставку. К руководству пришел Надя. У нас еще теплилась надежда, что он сохранит коммунистическое лидерство в стране, раз он сам коммунист.

Однако теперь этот человек шел за толпой, опираясь главным образом на незрелую молодежь. Большую активность проявляли гимназисты, как докладывали мне из Будапешта наши люди. Туда ездили Микоян, Суслов, другие наши видные работники. Анастас Иванович говорил: «Пришел я к Надю. Начали беседу. Вдруг влетает группа молодых мальчиков, гимназистов, все вооруженные, докладывают Надю, что они делают то-то и будут делать то-то. Потом приходили и другие такого же рода молодцы». Вскоре мы увидели, что под руководством Надя там свирепствует антисоветчина. Звучали лозунги: «Долой Советы!», «Долой Советскую Армию!», «Русские, вон из Венгрии!». Усилилась стрельба на улицах. Наши войска не участвовали пока ни на чьей стороне, мы хотели держать нейтралитет. Внутренние вопросы, касающиеся венгерского народа, пусть решаются собственными силами. Но затем стали постреливать и в наших людей. Обстановка накалялась. Советским послом в Венгрии был тогда Андропов. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации.

В те дни, после нашей поездки в Варшаву, ситуация в Польше стабилизировалась, главным образом благодаря позиции, занятой товарищем Гомулкой. Но разразилась настоящая война на Среднем Востоке, вокруг Суэцкого канала.

Москва должна была реагировать на англо-франко-израильскую агрессию против Египта. А в Будапеште развернулась кровавая бойня. К мальчикам присоединились и другие, включая рабочих. Возникли вооруженные отряды, пошли бои с применением артиллерии, особенно зенитной. Видимо, восставшие разграбили воинские склады. Совершенно в стороне от событий стояло крестьянство. Оно продолжало повседневную работу, несмотря на антиколхозные призывы Имре Нады.

Надь потребовал от нас вывести советские войска из Венгрии. Но ведь существовал Варшавский договор. Мы считали, что такой шаг может предпринять лишь законное правительство, а приход к власти Надя произошел в результате путча. Парламент этого вопроса не обсуждал, и мы считали, что это требование не имеет законной силы. В Будапеште развернулась охота за партийным активом, и особенно за чекистами. Громили партийные комитеты и чекистские органы. Людей убивали, вешали за ноги, совершали прочие дикие казни. Чтобы не осложнять обстановки, мы вывели наши войска из столицы. Частично они разместили их на военном аэродроме. Но другие наши люди и посол находились в Будапеште, и от них мы знали, что там происходит.

Президиум ЦК КПСС пришел к заключению, что нам непростительно соблюдать нейтралитет и не оказать помощи в борьбе с контрреволюцией, которая стала проявлять себя по многим линиям. Вернулась в страну белая эмиграция, самолетами прямо из Вены прибывала в Будапешт. Страны НАТО тоже вклинились, способствуя гражданской войне, чтобы ликвидировать революционные завоевания и вернуть Венгрию на капиталистические рельсы. Чтобы решить на месте, что предпринять конкретно, Микоян и Сулов снова улетели в Будапешт. День они проводили в городе, а ночевали в расположении наших войск на военном аэродроме.

Мы хотели быть правильно понятыми, мы не преследовали эгоистических целей, стремились действовать в духе пролетарского интернационализма. В связи с такой позицией мы считали необходимым проконсультроваться с братскими странами и партиями, в первую очередь с Китайской компартией.

Мы обратились к Мао Цзэдуну с просьбой, чтобы кто-либо, кого они найдут возможным прислать, приехал бы к нам для разговоров по вопросу о событиях в Венгрии. Без нашей поддержки там будет пролито много пролетарской крови. Китайцы быстро откликнулись. Прилетел Лю Шаоци, с ним Дэн Сяопин и Кан Шень. С нашей стороны на переговоры выдвинули меня и Пономарева. Не помню, кто еще входил в делегацию Коммунистической партии Советского Союза.

Мы заседали на бывшей сталинской даче, в так называемых Липках. Сейчас там дом отдыха. Просидели всю ночь. Взвешивали всесторонне все «за» и «против» применения вооруженных сил. Попеременно мы занимали противоположные позиции: то Лю Шаоци предлагал: давайте выждем, рабочий класс Венгрии окрепнет, поймет, что восстание контрреволюционно, и справится сам. Мы соглашались с ним. Затем снова начинали обсуждать, и возникали сомнения: есть опасность, что сейчас уже будет трудно рабочему классу справиться с ситуацией в Будапеште. Частично он сам вовлечен в контрреволюцию, особенно молодежь. Поэтому следует оказать помощь, тем более наши войска стоят в районе Будапешта. Опять и опять мы обсуждали и приходили к выводу, что надо оказать помощь.

Я не помню, сколько раз менялись наши позиции. Каждый раз, когда мы приходили к общему решению, независимо от того, надо или не надо применять вооруженные силы, Лю Шаоци консультировался с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун одобрял и ту, и другую позицию. Кончили мы ночное заседание на том, что вооруженную силу не применять. Я уехал домой. Лю Шаоци с делегацией остались на месте. Бывшая сталинская дача была отведена под резиденцию китайской делегации.

Я приехал домой к утру. По-настоящему спать не мог: Будапешт гвоздем сидел в голове и не давал уснуть. То был исторический момент: какое нам принять решение? Двинуть советские войска и раздавить контрреволюцию или ожидать, когда внутренние силы справятся с нею сами? Могло случиться, что контрреволюция временно одержит верх, тогда прольется много пролетарской крови. А если через Венгрию НАТО внедрится в расположение социалистических стран, то тяжело будет и всем нам. Было над чем призадуматься. Мы, конечно, понимали, что произошло восстание и что правительство, созданное в результате этого восстания, не получило мандата от народа. Ну, а дальше? Утром еще раз собрались обсудить вопрос на заседании Президиума ЦК КПСС.

Я доложил, как шло обсуждение с китайской делегацией, как менялись наши позиции и что в конце

концов мы пришли к мнению не применять воинской силы. Тут же я напомнил, какие могут быть последствия, если мы вовремя не подадим руку помощи венгерскому рабочему классу, и укрепятся контрреволюционные элементы. Они сейчас уже начинают контролировать правительство, возглавляемое Имре Надем. Надь Имре, хоть и коммунист, но уже не говорит от имени коммунистов, а вещает от собственного имени. Вокруг него вертятся эмигранты, которые бежали из страны после установления в Венгрии социалистических порядков, а теперь вернулись. Это говорит о направлении развития событий, если победит контрреволюция. Мы обсуждали долго. В конце концов решили, что будет непорочно, если мы не окажем помощь венгерскому рабочему классу, решили использовать наши войска, подать руку помощи рабочему классу Венгрии.

Вызвали маршала Конева как Главнокомандующего силами Варшавского пакта. Спросили: сколько потребуется ему времени, чтобы навести порядок в Венгрии? Он попросил трое суток. И получил задание: «Готовьтесь. А когда начинать, узнаете дополнительно». После этого полным составом Президиума мы выехали на аэродром и сообщили китайским товарищам о новом мнении. Споров не возникло. Лю Шаоци сказал, что, если в Пекине подумают по-другому, он нас известит. Китайцы улетели. А мы надумали еще проконсультироваться и с другими социалистическими странами, прежде всего с Польшей. Там ситуация была ненамного лучше, ни до вооруженной борьбы дело не дошло, положение стабилизировалось. Договорились встретиться с польскими товарищами у границы на советской территории на следующий день. От нас Президиум назначил для встречи меня, Молотова и Маленкова. На приграничном аэродроме в районе Бреста с советской стороны нам отвели какое-то помещение. Вскоре сюда же прибыли Гомулка и Циранкевич. А также мы сговорились с чехословацкими, румынскими и болгарскими товарищами, что в тот же день, только позднее, мы прибудем в Бухарест, и просили, чтобы делегации из Чехословакии и Болгарии прибыли туда же для обмена мнениями по венгерскому вопросу.

Изложили мы свою точку зрения товарищам Гомулке и Циранкевичу. Они выслушали молча. Я задал вопрос: «Как быть?» Гомулка высказался в том смысле, что, хотя ситуация очень сложная, все-таки применять вооруженную силу не следует. «А что же тогда нам делать? Надь требует вывода советских войск из Венгрии». «Нет, войска не выводить». «Ну, а дальше? Идет истребление актива коммунистов Венгрии. Убивают, вешают. Наши войска должны наблюдать?». «И все-таки, — говорит Гомулка, — полагаем, что и войска выводить не следует, и пускать их в дело тоже не следует. Надо дать возможность правительству, занявшему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам свергнет его». «А какое на это потребуется время?» Так и не пришли к общему мнению.

Распрощались. Они сейчас же уехали в Варшаву. А мы условились еще раньше, что Молотов возвращается в Москву и извещает Президиум ЦК о позиции польских товарищей, а мы с Маленковым летим в Бухарест, где будет совещание представителей четырех коммунистических партий. Из Бухареста мы собирались лететь в Югославию, чтобы проконсультироваться и с руководством югославских коммунистов. Это было тем более важно, что вначале югославы активно поддержали Надя, были как бы его советчиками в борьбе против Ракоши... В Бухаресте уже находились представители Чехословакии во главе с Новотным и Болгарии во главе с Живковым. От румынских товарищей участвовал в беседе товарищ Деж с коллегами.

Изложили мы положение дел, которое сложилось в Будапеште, и как мы понимаем перспективы. Много нам доказывать не пришлось, потому что все товарищи были осведомлены не хуже нас. Их послы в Будапеште тоже информировали свои правительства. Кроме того, жители некоторых приграничных районов Венгрии стали искать контакты с жителями приграничных районов Чехословакии и Румынии, чтобы опереться на них. А кое-кто просил оружия. В Бухаресте все единодушно и без колебаний поддержали нас: надо немедленно действовать. Перед нами поставили вопрос румыны и болгары: они хотят своими воинскими частями участвовать в оказании помощи революционным венграм. Но мы возразили, что никто не должен в этом участвовать, кроме советских войск в Венгрии. Их достаточно. Они находятся там в соответствии с международными соглашениями, подведшими итоги второй мировой войны, и обязаны поддерживать порядок.

Участия других не требуется. Я пошутил: «Румыны рвутся в бой. Этот путь румынам знаком: они в 1919 г. участвовали в разгроме Венгерской революции, а теперь хотят разгромить контрреволюцию». Нам пожелали успеха и призвали не медлить.

В тот же день вечером мы вылетели в Югославию. Летели на ИЛ-14. Погода была отвратительной. Внизу горы, кругом ночь. Начался ураган, сверкают молнии. Я не спал, сидя у окна самолета. Раньше я много летал, всю войну пользовался самолетом, но в такой переплет никогда еще не попадал. Самолетом управлял опытный летчик, генерал Цыбин, однако и ему было трудно. Впереди летел наш разведывательный самолет, тоже пассажирский, в какой-то степени освещавший нам дорогу и сообщавший, какая там небесная обстановка. Но с ним мы вскоре связь потеряли и должны были сами как-то ориентироваться по местности. На аэродроме, где мы должны были приземлиться, оборудования не имелось: то был примитивный аэродром военного времени, и наш самолет не имел радиолокационного оборудования. Только мастерство Цыбина позволило благополучно приземлиться. Узнали, что предыдущего нашего самолета тут нет. Где же он? Мы очень обеспокоились за судьбу экипажа.

[...]

Надь скрылся. Потом выяснили, что он укрылся в посольстве Югославии. И не только он, а многие из его руководства. На этой почве опять произошло охлаждение в наших отношениях с югославским руководством. Венгерские товарищи потребовали, чтобы укрывшихся передали в руки властей. Югославы сильно сопротивлялись. А пока шло время, и шло оно на пользу революционному правительству. В конце концов югославы вынуждены были освободиться от тех, кто засел в их посольстве. Их там скопилось так много, что создалась большая скученность, и посол просто не имел возможности содержать их долее. Югославы настаивали, чтобы были даны заверения насчет безопасности Нады. Венгерские товарищи не пошли на это. Его арестовали, как только он был доставлен на свою квартиру. И правильно сделали! Кадар обратился к нам и к румынам с просьбой, чтобы временно, пока они в Венгрии не сумеют разобраться с делами и не нормализуется положение в Будапеште, разместить Надя за пределами Венгрии. Его доставили на самолете в Бухарест, и он находился там какое-то время.

ЦК ВСРП под руководством Кадара обратился к ЦК КПСС с просьбой оказать помощь кадрами, прежде всего советниками в горной промышленности, так как была дезорганизована добыча угля. Чтобы восстанавливать промышленность и обеспечить ее развитие, срочно требовалось топливо. С угля начиналось возрождение экономики страны. Мы послали к ним опытных людей из Донбасса, партийных и профсоюзных работников, которые помогли быстро восстановить работу угольных шахт. наших комсомольских руководителей Кадар просил помочь в организации молодежи, чьи кадры скомпрометировали себя: одни приняли участие в контрреволюционном мятеже, другие оказались дезориентированными и вели себя пассивно, утратив доверие со стороны рабочих. Нужно было оказать помощь в обучении свежих людей. Потом Кадар, когда разговаривал со мной, в шутку называл советников «полковники», профсоюзников — «майоры», комсомольцев — «лейтенанты». Вообще он человек с чувством юмора.

В венгерских высших кругах наблюдалось изрядное замешательство. Многих затронули аресты, и не только на самом верху, но и пониже. Поэтому люди осторожно прислушивались к новостям: очень свежей еще оставалась память о Ракоши. Всегда, когда страна переживает такое потрясение, это сказывается болезненно. Венгерская армия тоже оказалась деморализованной. Она не участвовала в контрреволюции, но отдельные офицеры поддались на агитацию. Небольшое число, но зато выступали активно. Да и после разгрома контрреволюции некоторые лица еще долго колебались. Новое правительство потребовало, чтобы люди определили свое политическое отношение к событиям и дали бы заверения, что будут честно служить народу и выполнять решения правительства. Некоторые офицеры отказались от принятия присяги, тем самым автоматически произошло очищение армии от элементов, которые не полностью принимали социалистическое строительство. Армия стала по численности меньше, но по качеству более организованной и сильной.

Несмотря на вопли буржуазной прессы, на обвинения СССР в том, что мы подавили революцию, жизнь быстро входила в колею. Советская Армия вернулась в казармы. Мы дали строгое указание не вмешиваться во внутренние дела Венгрии, в функции ее правительства и партийного руководства. Когда я приехал в Венгрию, то собрал там наш командный состав и разъяснял правильную линию, рекомендуя, каким должно быть поведение наших воинских частей, прежде всего командиров. Солдаты ведь находятся в казармах, но офицеры пользуются большей свободой передвижения. Мы обратились к офицерам с просьбой не мозолить глаза венграм, особенно в первое время после ликвидации мятежа, не появляться на улицах, чтобы не давать пищу для агитации врагам.

А СССР тем временем срочно занялся помощью Египту, ликвидацией военной акции Великобритании, Франции и Израиля. Предложили Эйзенхауэру, чтобы США вместе с СССР выступили против тройственной агрессии. Одновременно составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, премьер-министра Франции Молле и премьер-министра Израиля Бен-Гуриона, предупредив их, что есть страны, которые могут встать в поддержку Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск, поэтому мы предлагаем немедленно прекратить агрессию. Говорят, что Ги Молле в те дни не уезжал из своего кабинета домой ночевать, а когда получил наше послание, то в спальном белье побежал к телефону звонить Идену. В штанах ли он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана.

[...]

Кадар попросил меня встретиться и с представителями интеллигенции. Беседа с ними подтвердила, что интеллигенция с разбором относится к необходимости проведенных мероприятий: в среде интеллигенции мы находили тогда меньше понимания. Однако тучи, собравшиеся над Венгрией, постепенно рассеивались. Когда положение стабилизировалось, венгерские товарищи договорились с румынскими и вернули Надя к себе в страну. Состоялся судебный процесс над ним. Надь был осужден и лично поплатился за жертвы, вызванные осенним путчем. В результате этого у нас вновь охладились отношения с Югославией. Я очень сожалел о том, но ничего не мог поделать. Я не обвиняю югославов в том, будто они пытались способствовать реставрации капитализма в Венгрии. Нет, это глупость. Югославы хотели сбросить руководство Ракоши, чтобы новое руководство установило бы с ними дружеские, добрососедские отношения. Кроме того, Тито с товарищами претендовали на вполне определенную ведущую роль в коммунистическом движении после разоблачения злодеяний Сталина. Я так считал, во всяком случае.

Конечно, когда реакционные силы, преследуя свои цели, хотели восстановить капитализм в Венгрии, здесь были затронуты и интересы Югославии как социалистического государства и как соседа Венгрии. Поэтому, когда мы сказали, что хотим предпринять вооруженную акцию против контрреволюции, Тито, не задумываясь, поддержал нас. Налицо противоречивость в позиции югославов, но это факт.

Вот как я оценивал тогда происшедшее. И сейчас, уже доживая свой век пенсионером, я считаю, что наши действия были предприняты правильно, в интересах революционного движения, в интересах коммунистического движения, в интересах борьбы против реакции, за социализм, за коммунизм!

В Венгрии советских войск оставалось теперь немного. Когда мы стали заниматься сокращением нашей армии (а мы сократили ее почти вдвое по сравнению с тем, какой она была при Сталине), то уменьшили количество войск и в Венгрии. Потом мы пришли к заключению, что можно вообще вывести войска из Польши и Венгрии. И вывели оттуда «особое оружие». А в Чехословакии, Румынии и Болгарии у нас не имелось войск. Таким образом, в прежнем качестве у нас оставались войска только в ГДР. Каждому ясно, почему.

А насчет Венгрии я специально говорил с Кадаром: «Товарищ Кадар, вы не задумывались насчет пребывания наших войск в Венгрии? Мы считали бы возможным вывести их. Как вы решите, так мы

и сделаем». «Товарищ Хрущев, решайте сами, — ответил он. — Одно вам могу сказать: никаких разговоров у нас сейчас в отношении пребывания ваших войск нет. Нет негативных настроений. Венгров беспокоит другое: как бы вы не вернули нам Ракоши». Ракоши в то время жил в СССР. Существовали ли у них какие-то люди, которые симпатизировали Ракоши и сожалели о его падении? Да, особенно в партии. Не знаю, насколько они многочисленны, но имелись. Вот и в Советском Союзе то же самое: мы осудили культ Сталина, а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные: «Ну и что же, — говорят они, — что столько-то миллионов он расстрелял и посадил в лагерь, зато твердо руководил страной».

Да, есть люди, которые считают, что управлять — это значит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать. И в Венгрии тоже такие люди были. К счастью, абсолютное большинство венгерского народа стояло за то, чтобы не вернулось ни то, что происходило при Ракоши, ни сам Ракоши.

Наши войска располагались в Венгрии на границе с Австрией. «А где еще стоят ваши войска?» — спросил меня Кадар. «В Польше и Германии, — ответил я. — О выводе их из ГДР не может идти и речи. Вывести их оттуда можно только на основе соглашения с нашими бывшими партнерами по войне против гитлеровской Германии, иначе говоря — с нашими антиподами. Такую акцию можно будет предпринять только после создания в мире положения, исключающего возможность новой мировой войны». «А как относятся поляки к идее вывода?». «С поляками я еще не говорил, — отвечаю. — Мы хотели сначала с вами поговорить, а уж потом с поляками».

[...]